

«Изменчивая геометрия» и российская демократия

Очередная "полукруглая" дата распада СССР и возникновения постсоветской России, впрочем, как и весьма неоднозначная бурная динамика международного политического контекста, не может не будоражить мысль и порождать стремление к обобщению того, что происходит вокруг.

СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ОЧЕВИДНЫМ, что наша страна прошла за пятнадцать лет через два важных этапа своего развития и решительно вступила в третий. На первом этапе происходил слом и первичный разбор старого, на руинах которого всходило много романтических сорняков и пустоцветов. На втором этапе наступила долгожданная, хотя и не совсем комфортная, стабилизация. Важнейшей характеристикой нынешней, третьей фазы является ускоренный экономический рост и явное приобретение новых "постсоветских" очертаний политического процесса, в том числе и его внешней составляющей.

В отношении экономического роста обществу не трудно было достичь консенсуса. Очевидно, его темпы нужно сохранить, а самому развитию придать характер процесса систематического самообновления и самосовершенствования.

В политическом плане мы еще сами не всё себе, а тем более окружающему миру (хотя это вовсе не самоцель!) объяснили. Последнее вдвойне трудно в ситуации, когда международное общественное мнение находится в состоянии явной нервозности и растерянности. Действительно, "конец истории", провозглашенный Фрэнсисом Фукуямой, в силу неудавшейся победы либерализма не наступил, а теория "столкновения цивилизаций" Самуэля Хантингтона мрачна и малопригодна для применения.

Взглянем на мир по-новому

Первое десятилетие XXI века — время наиболее крупных мировоззренческих сдвигов на планете с момента разрушения биполярности и распада Советского Союза. Во-первых, непредвиденным образом некоторые ведущие страны мира стали заметно чаще и откровенней прибегать к силе и угрозе ее применения (пример — Ирак), хотя еще десять лет назад казалось, что с уходом противостояния коммунизма и либерализма в международных отношениях наступит хотя бы относительное всеобщее замирение. Во-вторых, в мире появились новые по своим масштабам и глубине угрозы, главными из которых являются неконтролируемый процесс распространения ядерного оружия и ОМУ в целом, а также международный терроризм. В-третьих, в международные отношения вернулась идеологизация, которая вопреки романтическим ожиданиям конца 1980-х и начала 1990-х годов, по-видимому, из них никогда не исчезала. Вместо противоборства коммунистической идеи и либерализма в мире угрожающе обострилось противостояние традиций и ценностей более фундаментального характера: между западным образом жизни и культурно-религиозным складом мира, в частности исламского.

Особую опасность в этом конфликте представляет агрессивное стремление хорошо организованных сил в восточной и южной частях ойкумены силой оружия доказать как минимум конкурентоспособность незападного образа жизни и культурного склада. С одной стороны, терроризм, компрометируя ислам, лозунги которого он переинтерпретирует, откровенно угрожает сообществу развитых и развивающихся стран. С другой — сами развитые страны, не всегда адекватно реагируя на такого рода проявления, стремятся военной силой не только обуздать терроризм, но и навязать всем незападным странам несвойственный им тип политической самоорганизации, государственно-

административного управления. В результате неизбежно провоцируется защитная "политико-иммунная" реакция незападных стран на силовое давление Запада, а заложенный в этой естественной реакции энергетический выплеск перехватывается террористами и направляется в русло общего противостояния с Западом.

Потребность в адекватном понимании происходящего заставляет отказываться от красивых, но безнадежно архаичных, аналитически уже мертвых схем прошлого и позапрошлого веков со всеми их примитивно исчисляемыми "полюсами" и "полярностями", хрестоматийными версиями "центров силы". По сравнению с ними менее шаблонным кажется тезис об "изменчивой геометрии" (variable geometry) современной структуры мира. Он по крайней мере совместим с представлением о разнообразных скоростях развития стран, возможности существования различных "специализированных полюсов" влияния на планете. Усложнившийся мир требует более глубоких вариантов восприятия, для построения которых терминологический и понятийный аппарат науки XIX и XX веков просто недостаточен.

При всей стабильности тенденций экономического роста и укрепления влияния североамериканского, восточноазиатского, европейского центров силы вряд ли мы можем говорить о том, что именно эти ареалы и именно в такой замкнутой, жесткой композиции являются эксклюзивными игроками мировой сцены, определяющими всё и вся. Реальная практика показывает, что все более востребованными становятся некие специализированные коалиции, "по случаю", то, что дипломаты называют *ad hoc*, то есть альянсы для решения тех или иных международных проблем. При этом следует уточнить, что понятие "*ad hoc*" в масштабах глобальной политики может быть достаточно протяженным во времени.

Подобные коалиции могут носить явно "межполюсный" характер. Это видно и на примерах борьбы с международным терроризмом, и при интерпретации международного режима нераспространения ОМУ, и при подходе к, казалось бы, "универсальным" ценностям — демократии и правам человека. Россия, как страна, относительно слабо ассоциированная с перечисленными выше центрами роста, имеющая широкий спектр глобальных и региональных приоритетов, является кандидатом на участие в максимально возможном числе подобных *ad hoc* "союзов". Как пример такого нового союза можно назвать недавно возникшее БРИК — сотрудничество экономических гигантов: Бразилии, России, Индии, Китая или более известную ШОС.

Участие в этих коалициях должно строиться на предельно четком осознании своих собственных интересов, на понимании срока и глубины приемлемого вовлечения в ту или иную коалицию.

Интернациональное и национальное в российской демократии

Во многом вставшие сегодня перед российской наукой и внешней политикой проблемы связаны с тем, что формирование нового, относительно устойчивого мирового порядка далеко от завершения. Возникающая международная система становится все более сложной, динамичной и все менее предсказуемой. Постоянно появляются новые факторы неопределенности и глубоких перемен. Разрывы в уровнях социального, экономического и технологического развития различных регионов планеты постоянно углубляются. Нарастает не только экономический, но также политический и культурный плюрализм современного мира. Возникающая многомерность международной системы имеет неоднозначные последствия. В частности, различные системы ценностей и политические культуры далеко не всегда мирно сосуществуют друг с другом.

Особая политическая и идейная деликатность момента состоит в том, что нынешнее противостояние может против воли его участников приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться.

В России универсальные демократические принципы в значительной степени усвоены ее гражданами, укоренились на российской почве и вырастают в нее все глубже. При этом ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет походить на модели демократического устройства во Франции, США или Германии, хотя опыт всех трех этих стран, как известно, стремились учесть в свое время авторы российской Конституции при ее написании.

В России медленно, но определенно складывается собственная, национальная модель демократии. Объективно, независимо от воли правителей или зарубежных советников, она возникает из соединения двух разнородных оснований: во-первых, принципов классической западной демократии, во-вторых, комплекса традиционных российских представлений о допустимых с точки зрения общественной морали соотношениях между свободой и порядком, вольностью и долгом, терпением и воздаянием, верностью и покровительством.

Это два равнозначных основополагающих начала нашей модели демократии. Они одинаково важны для россиян, и оба определяют наше политическое поведение внутри страны и на мировой арене. Мы видим, что традиционное, специфически российское не вымывается, не отмирает, а приспосабливается к заимствованному, обновляется вместе с ним, давая тот синтез, который и определяет особенности нашей демократической модели. Идейно российская модель демократии восходит к тем же источникам, что и демократии в западном мире. По формам же воплощения эта модель близка японской, индийской или южнокорейской. Главное отличие последних от классических образцов состоит в том, что они складывались в другое историческое время и как следствие исходили из других предпосылок и факторов. Равно это можно сказать и о российской демократии.

Как важнейший системообразующий элемент российской демократии, национальная традиция должна быть глубоко и ответственно переосмыслена в контексте современного мирового развития и тех задач, которые предстоит решить России. В противном случае она рискует перейти в качество консервирующего, тормозящего развитие фактора.

Нужна не обязательно идеальная, но непременно работающая, эффективная модель демократического государства. В поиске такой модели, конечно, неизбежно могут случаться ложные шаги и ошибки. В целом надо четко усвоить, что демократия как модель общественного устройства может иметь и множественное число.

И мировое политическое сообщество уже сравнительно давно стало говорить о многокультурности, многоцивилизационности современного мира. Однако эти разговоры не удалось перевести в плоскость реального политического анализа, а тем более внешнеполитической практики. Именно поэтому все с большими проблемами мы сталкиваемся при попытках адекватной интерпретации, допустим, ситуации на Ближнем Востоке, в постсоветской Центральной Азии, в понимании корней и движущих сил международного терроризма. Вульгарный универсализм подменяет собой желание реально понять другую культуру, выявить в ней как позитивное, так и опасное для неконфликтного сосуществования.

Права человека — важнейшая часть идейного и политического фундаментов демократического государства в России. В значительной степени дипломатическая активность первых лет постсоветской России была направлена на подключение к международным механизмам защиты прав человека, институтам социально-гуманитарного характера, в том числе к теперь столь привычному для нас Совету Европы. Вместе с тем важно понимать права человека комплексно, во всем богатстве их значений. Права человека — это не только право на безопасную и достойную жизнь для каждого, свободу индивидуального самовыражения. Права человека — это и право на идентичность, а значит, и право россиянина на ощущение своей принадлежности к большому, единому и прочному государству. В этом индивидуальное право гражданина смыкается с идеей России как страны, нации и государства. Противопоставление государства и человека неуместно и неправильно. Государство должно тверже стоять на защите прав человека: защищая права граждан, оно защищает и самого себя.

Под влиянием реальной ситуации, вместо ожидавшейся в 1990-х годах глобальной демократизации и либерализации, в человеческом мышлении наметилась тенденция все жизненные реалии воспринимать через призму безопасности. Такой сдвиг в сознании оказывается предпосылкой общего, возможно временного, отступления политического либерализма. Большинство граждан разных стран (США, Израиля, Италии, Франции, Германии, Великобритании) невольно печется больше о сохранении жизни и порядка, чем о реализации "производных" прав. Не случаен в этом смысле общий для развитых стран запрос на умеренный консерватизм. Ослабление позиций радикально-либеральных настроений в нашей стране отражает эту всемирную тенденцию.

Участие в мирорегулировании

За пятнадцать—двадцать лет отношения России с внешним миром, особенно с Западом, приобрели достаточный запас прочности. Мы стали гораздо больше доверять друг другу, преодолели синдром тотальной взаимной подозрительности. Сфера общих или близких интересов стала шире. Мы научились координировать свои действия в отношении многих глобальных проблем. Не менее важно и другое: Россия и ее главные партнеры теперь умеют, не соглашаясь друг с другом, не впадать во враждебность и отчуждение. Партнерство предусматривает право на несогласие. Больше того, если стороны в принципиальном плане настроены на сотрудничество, то разногласия полезны, потому что, преодолевая их, страны учатся находить компромиссы.

Магистральной линией России остается последовательное повышение ее роли в международном управлении, то есть принятии ключевых международных решений по вопросам безопасности, политического развития и мировой экономики.

В этой связи одна из важнейших задач современной российской внешней политики состоит в том, чтобы максимально способствовать формированию новой эффективной системы многосторонних отношений и глобального регулирования. Без решения этой задачи решение всех других будет максимально осложнено. Очевидно, что ныне существующая система многосторонних институтов глобального уровня сформировалась еще в рамках Ялтинско-Потсдамских договоренностей и несет на себе все родовые пятна того периода, а ее эффективность будет и дальше снижаться по мере нашего ухода от момента распада старого миропорядка. Вместе с тем сказанное ни в коей мере не следует рассматривать как банальный призыв разрушить все до основания. Инструменты, доставшиеся нам в наследство от прошлого, можно и нужно перенастроить — это и есть главная задача мирорегулирования на современном этапе. При этом было бы разумно вернуться к изначальной идее тесной взаимоувязки финансово-экономических институтов

и механизмов обеспечения безопасности, как это когда-то и предполагалось создателями ООН, но так и не было сделано в силу идеологических различий и политической конфронтации между Востоком и Западом. Сейчас такого препятствия нет.

Отдельной темой мирорегулирования, где важнейшую роль должна играть Россия, является мировая система энергообеспечения. Наша страна присутствует во всех сегментах энергорынка — нефтяном, газовом, электроэнергетическом и атомном. Но, несмотря на все разговоры об энергетической дипломатии России, как таковая, она пока не сформировалась. Более того, спорадическое и, как показывает опыт, не всегда удачное применение энергетического фактора во внешней политике России может оказывать негативное влияние на стратегические интересы страны в целом. Становление именно энергетической дипломатии, а не простое увеличение прибыли от продажи продукции ТЭКа тем более необходимо сейчас, когда мировая энергетика входит в фазу сильной политизации.

Решение принципиальных внешнеполитических задач, актуальных для первых лет нынешнего десятилетия, требовало от российского руководства прежде всего ясной и четкой политической воли. В дальнейшем же необходимо углубление и, главное, институционализация отношений России с зарубежными странами, что намного сложнее. От нас и от наших партнеров требуется не просто отказ от устаревших подходов, но и согласование позиций по широкому кругу проблем, в том числе затрагивающих весьма деликатные вопросы национальной безопасности. Необходимо создание, пусть и "по случаю", ad hoc, работоспособных процедур, механизмов и институтов сотрудничества. Одновременно для России, как и для других стран мира, актуальны задачи сохранения и развития ценностей демократии. Можно обеспечивать демократический порядок внутри страны и участвовать в поддержании баланса многообразия в мире, находить свой угол в "изменчивой геометрии".

Журнал [«Российская Федерация сегодня»](#). – 2007. - №2.- С. 60-61.